

Олег Копытов

Я спросил у радио...

Маленькая повесть

Олег Копытов
Я спросил у радио...
Маленькая повесть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994546
ISBN 9785448335907*

Аннотация

«Не всё правдивое смешно, но всё смешное правдиво», — сказал Фазиль Искандер, и эти слова только и могли быть эпиграфом к этой маленькой, но правдивой повести.

Содержание

Часть 1	5
1	5
2	7
3	8
4	11
5	13
6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я спросил у радио...

Маленькая повесть

Олег Копытов

*«Не всё правдивое смешно,
но всё смешное правдиво».*

Фазиль Искандер

© Олег Копытов, 2016

ISBN 978-5-4483-3590-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

В музыкальной редакции завели попугая. Простого волнистого попугая. Я сразу подумал: «Почему не канарейку?» А я в это время делал передачу о творчестве во сне.

Подошел к композитору Иннокентию Блоку и спросил: «Кеша, а какие сны снятся попугаю?» Он пожал плечами. А, когда я продолжал приставать со своим дурацким интервью, ответил, что такие же, как и человеку. «Например? – не унимался я. – Какие, какие – эротические сны!» – раздраженно выпалил Кеша.

Это еще больше разобрало мое любопытство: «Ну, думаю, – эротические сны человека в конкретных картинках я себе более-менее представить могу. Но эротические сны попугая?»

Потом, с выражением совершеннейшей озабоченности на лице, я подошел к музыкальному редактору Ире Пальмовой и спросил: «Послушай, Ир, а какие эротические сны снятся попугаю?»

Она немного подумала и ответила: «Попугаиха без перьев».

Логика этого рассуждения вдохновила меня необычайно,

моя передачка о снах, кажется, получилась вовсе даже отличной.

На работе я очень много курю. Однажды на летучке отдела, когда обсуждался всем надоевший вопрос о переселении из кабинета в кабинет, я даже пошутил, что мне кабинет вообще не нужен, потому что почти всё рабочее время я хожу по коридору этажа и смолю сигарету за сигаретой.

Так вот, часто случалось так, что библиотекарь Лена Виногоорова и музыкальный редактор Ира Пальмова уже идут домой, а я всё курю в конце коридора.

Обычно мы прощались так. Они мне: «До свиданья, Олег». Я им: «Всего хорошего. Приходите почаще».

Однажды они говорят: «До свиданья, Олег». А я им: «Всего вам меня хорошего». Они уже по лестнице начинали спускаться. Но приостановились, и Лена говорит: «Ира, может, вернёмся?»... Но всё-таки не вернулись.

На следующий день я курю в коридоре, а режиссер Злата Крамаренко уже домой уходит: «До свиданья, Олег», – говорит. Я ей: «Всего вам меня хорошего». Она головку так склонила, точно что-то ей ощутилось... Но ничего не сказала. Ушла по лестнице вниз... А через минуту возвращается.

«Ну, – думаю, – ко мне!»

Оказалось, кассету какую-то забыла.

Однажды лег спать, а сон не идет. Всё какие-то мысли о своих передачах. А у меня, конечно, как у всякого уважающего себя пациента психиатров и наркологов, – в холодильнике приличный запас снотворного. Съел таблетку – лёг. Не сплю. Съел вторую – лёг. Не сплю. Тут мне вообще всё по фиг стало. Подошел к холодильнику, вытащил таблетки, целую горсть, – кинул их в рот, как какие-нибудь хлебные крошки, запил водой – и пошел спать ложиться.

Не сплю...

А через полчаса чувствую: у меня из левого плеча еще одна рука вырастает. Вернее, такая конечность – нечто среднее между рукой и ногой, как бы гладкая лапа, почти медвежья, только без шерсти.

Пошел на кухню, чтобы эту лапу отрезать. Дверь в коридор закрыл. А тут – за рифленным стеклом двери – силуэты мамы, папы, которые, вообще-то, должны быть в Бишкеке, и Лёшки Петрова, который 15 лет назад вышел из дому и больше о нем никто ничего не слышал...

Потом я спал больше суток.

Проснулся... «Ну, – думаю, – хоть раз в жизни выпался по-человечески!»

Но свою передачу сорвал. Пришлось заотделом фондовую ставить. И вообще меня три дня на работе не было. По-

сколькx угол отражения равен углу падения...

Стыдно стало перед коллегами и, в особенности, перед начальством. Прихожу в понедельник на работу. Завотделом Елена Жаркова говорит: «А у вас сегодня вечером – эфир. Есть передача? – Нет, – говорю. – Но будет». И лишнй раз вспомнил, что редактору оригинальной получасовки на японском радио «Эн-Эйч-Кей» три недели на подготовку дают. И долларов пятьсот аванса... Ну, ладно.

Пошел бить челом операторам и режиссеру, чтоб они вместе со мной в жуткую оперативность впали, – ну и, конечно, Константину Валерьевичу, чтобы он у меня – часика в четыре, может, чуть позже, – без подготовки сыграл крутого капитана Мазура в передаче о современном литературном боевике... В общем – рогом упёрся, и в восемь вечера передача прозвучала.

Потом сидел до ночи в наушниках – ещё одну передачу монтировал. Во вторник выдал в эфир.

Ночью сценарий ещё одной передачи написал. После того, как с Натальей Сосновской её записали, сразу же, даже не покуримши, помчался в другую аппаратную на прямой эфир новостной программы: я ж в обед заскакивал на открытие какой-то там выставки в музее...

Короче говоря, за неделю сделал месячную норму по своему отделу, да ещё и недельную по дружественному нам информационному. И, между прочим, как только какая-то из моей кучи передач прозвучит, – обязательно кто-нибудь

встретится или позвонит и скажет, да, старик, здорово! А я никого за язык не тянул. У меня вообще такой привычки нет – своими прокуренными пальцами лезть кому-то в рот пошурудить насчет языка... Между делом, я, конечно, выпил шесть бутылок водки и несчётно пива...

В пятницу, в полдевятого вечера, сдал последний кадр, курю с новоиспечённым режиссером Женей Кирко на родном третьем этаже и жалуюсь ему: «Работаю за четверых, пью за троих, а почему – сам не знаю. – Дык, – говорит Женя, – Олег в России – больше, чем Олег». Затушил окурок в пепельнице, оставил меня размышлять над своей изящной формулой и домой пошел.

Потом звонит из вестибюля.

«Есть вариант, – говорит. – Олег в эфире – больше, чем Олег». И трубку повесил.

А через минуту опять звонит: «Олег Копытов – больше, чем Олег!»

«Во даёт! – думаю. – Зрит прямо в корень!»

На работу всегда хожу пешком. На улице Шебутного выходит из трамвая тёзка Олег из ремонтной бригады, и мы идем к Дому Радио вместе. Тут откуда-то появляется девица в суперминиюбке. Фигурка точёная, идет в двух шагах перед нами. Вокруг – дружная весна, утреннее солнце, запахи.

– Да, – говорит, Олег, – всегда бы так на работу ходить!

Я молчу.

– Нет, ну ты смотри не под ноги, а прямо!

Я молчу.

– Чего-т у меня закипает!

Я молчу.

– Ножки-то какие стройные!

– Да, – говорю, наконец. – Особенно правая...

А я, если честно, был с большого бодуна. Мало того – восьмидневного запоя. Мало того, совмещенного с тяжелой производственной деятельностью, когда я за неделю сделал три часа эфирного времени по своему отделу «худвещания» и ещё четыре кадра для информационного.

Прихожу – на этаже только режиссер Лара Голубкина. Увидела меня и сразу спрашивает:

– Ты чего такой засушенный?

– Видишь ли, – говорю, – вот как проснулся сегодня, так и мучаюсь вопросом, кто я сегодня – то ли мумий, то ли

тролль? Сказал, а сам подумал: «Да-а... Как по Радио по Дому я без шуток не хожу»...

Работать чаще всего мне приходится без выходных. Хватаю любой эфир. Да и собственная нагрузка немалая. Так что если денька три свободных в месяц у меня выпадает – и на том спасибо. Но обычно рабочая неделя заканчивается часиков в восемь-девять в воскресенье.

С утра по воскресеньям на этаже весело бывает. Это время молодежного эфира. Обязательно, кроме дежурного ведущего молодежного канала, «Наше время» называется, – ещё кто-то из «молодежки» на работе. Эти ребята вообще пропадают на работе всё время. Причем дело и не в дело. Может, от неустроенности в личной жизни. А может, им просто нравится. Как тому заключённому фотография Ломоносова...

Как-то часов в шесть в воскресенье работать закончил. Лёня Неделин – сосед по кабинету – только три часа назад ушел. Свой эфир он еще в 12 закончил, но, я же говорю – ни жены, ни детей, даже подпольных, за ним пока не водится, даром, что с таким титаном духа и плоти рядом сидит... Мог бы поучиться...

Ну, иду, в общем, и думаю: «Вот кайф! Каким я сегодня молодцом – как рано отстрелялся!»... А потом взгрустнулось. Егор совсем хулиган стал. Вообще-то хорошо в хоккей играет, учится вроде бы неплохо. Но как учительницам, осо-

бенно молоденьким, в его 5 «б» идти, так они причитают: «Опять в класс, где этот Копытов! У меня от одной мысли об этом артериальное давление подскакивает!» Что с ним дальше-то будет, если сейчас от одной мысли о нем у молодых женщин давление подскакивает?!.. Аринка тоже хороша. Ей всего два года, а она уже ругается: без единого глагола, но вполне художественно. Как обидится на Егора, так давай кричать: «Гога! Палка! Попа!» А то и еще похлеще... Зато книги любит читать. И её вкусы с моими совпадают. Вытащит с полки Льва Шестова или Ивана Ильина, сядет на пол, страничку прочтёт – оторвёт за ненадобностью, другую прочтёт – оторвёт... Аэлите еще семи месяцев нет, а она не только всё кричит, как индеанка на партсобрании, но и так скачет по кровати, что всю её доломала. Что с ней дальше-то будет?!..

Ну, иду, значит, думаю свои невеселые думы. Вдруг откуда-то сбоку Лёня Неделин выскакивает. «Привет, – говорю. – Давно не виделись. Ты откуда? – Да вот, – отвечает, – в „Дружбе“ сегодня барды выступают». Я, как интеллигентный человек, конечно, молчу. Не стану же я родному соседу по камере признаваться, что наши барды, в отличие от исторических, – это люди неоднозначной, то есть однозначной эстетической ориентации. Культурное меньшинство, в смысле... «Да, кстати, – говорит Лёня, – ты видел вчера по Мангазейскому телевидению передачу Травкиной? Про фестиваль „Бригантина“? – Я отрицательно мотаю головой. – Хо-

рошая передача, толковая!» Я, конечно, как человек интеллигентный, молчу. Люся Травкина, конечно, журналист хороший, только очень смелый. Делает передачи на темы литературы и искусства, а Бахтина не читала. И даже не знает, кто это такой. Ладно бы по сельскому хозяйству специализировалась... А однажды она заявила, прямо в эфире, что Володя Чеченский, у которого, между прочим, папа в Израиле, – художник-абстракционист... Нет, вы представляете?! Еврей-абстракционист!.. По-моему, это смело!..

Однако пауза затягивалась...

«Им хорошо», – говорю. Лёня даже не понял: «Кому? – Телевизионщикам. У них же – картинка! Между прочим, цветная». И вздыхаю: «А у нас что? Наша книжка вовсе без картинок... И вовсе даже не книжка. – Да, – в ответ вздыхает Лёня. – А у нас всё на пальцах объяснять приходится». А потом сам себя поправил: «И даже пальцев у нас нет. Какие на радио могут быть пальцы?!» А я про себя думаю: «Ну почему же, у некоторых пальцы даже на радио есть. Вот давеча звукооператор Маша Гузеева, делая какую-то хитроумную операцию сразу с четырьмя магнитофонами, что-то там сманипулировала и произнесла: «Я своими пальчиками всё, что хочешь, могу сделать!» А я, как-то машинально и рассеянно спросил: «И кому хочешь?» Она скромненько так поведала, что любому. А я усомнился...

Но вообще-то я человек не очень злой.

Если честно, на Мангазейском радио ещё довольно много пережитков прошлого. Например – машинистки. У каждого редактора-журналиста – своя машинка, в информационном отделе, с которым наше «художественное вещание» дружит до смеха и слёз, вообще несколько компьютеров. Про бухгалтерию я вообще молчу... Но тем не менее у нас есть машинистки – целых три. Целое «машбюро». Что они день-деньской делают, кроме того, что кротко о чем-то и ком-то бедуют и смотрят телевизор?.. Вообще-то иногда они действительно печатают материалы. Вот, скажем, заночевал журналист не дома, где почти у каждого тоже есть печатающее устройство, – а заночевал журналист у любовницы, у которой много каких устройств есть, а вот печатающего нет. Что в таком случае журналисту делать, если ему в десять утра материал сдавать? Понятно, писать от руки, а потом бежать на работу ровно к девяти утра, а не как обычно, и отдавать материал в машбюро... Впрочем, любовница есть не у каждого. У меня, например, её нет. У меня и так трое детей от второй, любимой, жены, почти взрослая дочь от первой, есть еще сын от женщины из венгерского города Будапешта, – про остальных ничего не могу сказать, – а мне, между прочим, скоро тридцать семь: пора и о душе подумать... Поэтому к машинисткам я хожу редко...

А ещё в телерадиокомпании «Мангазейская» очень много в последние год-два развелось всякого начальства. Плодятся, почище кроликов. Гендиректор. У него семь-восемь замов, директора директорий, один даже по маркетингу, представляете! – маркетинг творческого процесса!.. Есть ещё парочка главных редакторов по видам вещания, и так далее... И всем начальникам от журналистики нужно доказать элементарное – что они чем-то на работе заняты. Оттого у нас постоянно какие-то кампании. Например, по структурной реорганизации – ну отделов, в общем. Вернее даже, – планы. То по укрупнению, то по разукрупнению. То по направлениям, то по закруглениям и выводу на новые творческие орбиты... Эти планы «спускаются» от большого начальства к заведующим отделами, и те «доводят» их на «летучках»... На одной из таких «летучек» Людмила Анатольевна Стрелавина, классный журналист, такой мастер интервью, что какой-нибудь чурка Урмас Отт с ней рядом не лежал, – не выдержала и говорит: «Это, помните, как в том анекдоте. Приехал Ленин из чистоплюйской заграницы в Питер проветриться, напился, в смысле – нажрался, а наутро говорит членам своей большевистской банды: «Братаны! Вчера наклюкался, залез на броневик и такую херню народу нёс!» А ребята говорят: «Ничего, Володя, ты главное назови это как-нибудь поприличнее. Например, «Апрельские тезисы»... Вот и у нас так, – говорит Людмила Анатольевна, – сплошной «Рабкрин» да как нам его реорганизовать!»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.